

УДК 82–1/–9

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-145-153

РОМАНТИЗМ В ЛИТЕРАТУРЕ: О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Литвиненко Н.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье обосновывается актуальность выработки новых подходов к изучению проблемы взаимодействий с романтизмом литературных направлений разных эпох – с учётом процессов, протекающих «на границе», «возвращения», перекодировки или разрушения традиций. Доказывается методологическая актуальность сложившегося в современной науке историко-генетического, телеологического подхода и сформировавшегося на основе постмодернистской парадигмы метода «деконструкции» органической модели, нового понимания процессов взаимодействия в литературе – «концов» и «начал».

Ключевые слова: романтизм, взаимодействие, переходность, символизм, традиции, историко-генетический подход, деконструкция.

ROMANTICISM IN THE LITERATURE: ON SOME APPROACHES TO THE STUDY OF LITERARY INTERACTIONS

N. Litvinenko

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article proves the relevance of developing new approaches to the study of the problem of interactions with the romanticism of literary trends of different epochs – taking into account the processes happening «at the border», «return» of transcoding or destruction of traditions. It proves the methodological importance of the historic-genetic, teleological approach and the method of “deconstruction” of the organic model that was formed on the basis of postmodern paradigm and which is a new way of understanding the processes of the «ends» and the «beginnings» – in the literature.

Key words: romanticism, interaction, transitivity, symbolism, traditions, historical-genetic approach, deconstruction.

Романтизм XIX в. был мощным по масштабам и продуктивности социокультурным феноменом, аккумулировавшим в своём художественном пространстве литературные традиции, импульсы, идеи разных направлений и эпох: средневековья и Возрождения, барокко и классицизма, сентиментализма и реализма, литературной готики, поэзии, драматургии, прозы... На протяжении всего столетия как культура, как литературное направление он формировал свой худо-

жественный язык, разнообразные художественные миры. Традиции, импульсы, идущие от романтизма, сохраняют живую актуальность в литературном процессе последующих эпох. Разумеется, в каждой новой философско-эстетической системе эти элементы и традиции подвергаются трансформациям, по-разному участвуя в выработке новых ценностных представлений. В последующие эпохи – не только на рубеже XIX и XX, но и на протяжении всего XX в. – элементы и структуры романтической мифологии, романтического дискурса, «романтического бессознательного», поэтики – явственно или скрыто – продолжают заявлять о себе.

Эпистемологические сдвиги, происходящие «на границе» исторических эпох, не означают «окончательного» разрыва с традициями предшествующих периодов литературного развития. В пограничном пространстве переходности возникают разнообразные векторы смещения и смещения, пародирования, «переосмысления», эстетических взаимодействий; границы между литературными направлениями остаются или становятся по-новому «проницаемыми». Это усложняет литературоведческую рефлексию и рождает различные концепции подхода к проблемам эволюции литературных направлений, межлитературных связей – в условиях «неравномерности» или «ускоренного» развития, взаимодействия литератур, процессов национально-эстетической идентификации или глобализации культурного пространства, в условиях стремительно меняющейся реальности, меняющейся или «распадающейся референциальности» (выражение А. Зверева [11]). В

рамках небольшой статьи мы попытаемся обозначить только некоторые из затронутых здесь проблем.

Парадигма преемственности литературных направлений в каждую эпоху складывается по-новому, продуцируя – на основе тех или иных методологических построений – филологические концепции переходного времени [10; 7]. Переходные эпохи создают новые контексты не только взаимосвязей романтизма с барокко и классицизмом, с сентиментализмом и символизмом, как и с реализмом, натурализмом, неоромантизмом, но и взаимодействий между ними. Возникают новые объекты исследования, обладающие особым синкретизмом. Так, в ряду, казалось бы, далёких от современности традиций литература XX в., стремящаяся преодолеть катастрофизм распадающегося на осколки мира, стала вновь актуализировать, обнаруживать художественные модели романтического мышления, его «следы», интертекстуальные связи со стратегиями романтического письма.

Сложное переплетение разнообразных векторов литературно-эстетического развития, свойственное культурному опыту человечества обозначил С. Аверинцев, подчёркивавший роль романтических тенденций, возникающих в литературе на основе отталкивания от эстетики реализма: «Как только реализм переходил грань “литературности” и принимал вид натурализма, бытового или физиологического очерка и т. п., вступали в силу романтические тенденции, порождая декоративность модерна, импрессионизм с его иллюзией эстетической самооценности случайного поэтического образа, символизм, прибегающий к усложнённой

технике обобщений и т. д.» [1]. В то же время, замечает С. Аверинцев, в XX в. оппозиция романтизма и реализма «перестаёт быть всеохватывающей и определяющей». Литературный процесс, по словам учёного, дробится на множество школ и направлений (футуризм, экспрессионизм, сюрреализм, неоклассицизм, необарокко, мифологический реализм, документализм, постмодернизм, концептуализм и т. д.), которые и в своей новизне, и в преемственности отталкиваются от самых разнородных и разновременных традиций» [1]. Каждое из возникающих направлений содержит свои модификации и структуры эстетической переходности.

Сложность функционирования и осмысления «переходных» феноменов, не утративших связей с романтизмом, отличающихся эстетическим эклектизмом или синкретизмом, полемической трансформацией сложившихся традиций, нашла воплощение, в частности, в разнообразных концепциях и практиках символизма. Г.К. Косиков полагал, что «символическое жизненное чувство коренится в самой природе романтизма и рано или поздно рождается из него почти с той же необходимостью, с какой дитя появляется на свет из материнского лона» [6, с. 13]. Генезис, очевидно, восходит не только к жизненному чувству, и символизм – в бесконечном своеобразии своих индивидуальных, жанровых и национальных модификаций – был полемически связан с романтизмом, сочетал, подобно Ш. Бодлеру, устремлённость в идеальное царство духа и предощущение катастрофы, бездны. Полисемантика эстетических импульсов и мотивов, идущих от романтизма,

преломлялась в пространстве новых межлитературных, семиотических связей в произведениях Метерлинка и Верлена, Роденбаха и А. Белого...

Привлекая широкий историко-литературный и культурологический контекст, В.М. Толмачёв, пишет о переходе символизма из декадентской поэмы, эксперимента, в стиль и идею, «не знающую точных хронологических границ эпохи», из эпохи – самой культурой в «брожении», символизм стал «обозначением того, что вроде бы утрачено, но так, вопреки всем усилиям, и не обретено» [10]. Видя в символизме «итог прошлого и проект будущего», способность «возвращаться на новых основаниях», литературовед полагает, что символизм «открыт как в XIX, так и в XX в.», называет модификации символизма, связавшие себя с образом «конца века» (импрессионизм, «символизм», неоромантизм, неоклассицизм), и те, которые принадлежат эпохе модернизма 1910–1920-х гг. (экспрессионизм, имажизм, сюрреализм, футуризм). В более широком философско-эстетическом масштабе названы романтически-платоновский символизм, феноменальный (импрессионизм, эстетизм), неоромантизм [10]. Такой подход формирует представление о многовекторном конгломерате, целостности, распадающейся на множество сходно и разноосновно организованных моделей художественного творчества. И, однако, возникает осторожный вопрос: не утрачивает ли символизм свои «берега»? В то же время очевиден масштаб обозначенной литературоведом проблемы, изучение связей символизма с романтизмом в современной науке затрагивает различные сферы

семиозиса и культуры, вплотную приближает исследователя к стратегиям междисциплинарного подхода [13].

Актуальна в данном контексте концепция неоднородности, пересмотра методологии телеологического подхода к процессам литературного развития, открытости каждого из литературных направлений, их разомкнутости по отношению к явлениям синхронно развивающихся художественных систем, а также – предшествующих и последующих эпох, ведь разнообразные связи затрагивают все элементы поэтики литературных произведений, направлений и жанров. Так, романтизм Жорж Санд, автора дилогии «Консуэло» и «Графиня Рудольштадт» открыт в мир сентименталистского романа, романа рококо, раннеромантического романа, готических традиций, музыкального, оперного искусства, романтического романа о художнике, наследует и формирует традиции реалистического и сатирического письма, утопической социалистической мысли, символического искусства, популярного массового романа. Те или иные признаки, черты, заложенные в структуре и поэтике произведений, актуализирует исследователь, выявляя и в то же время формируя разнообразные векторы и смыслы новых литературных взаимодействий. На современном этапе развития литературоведения – всё менее продуктивной становится традиция дихотомического мышления, «иссушающей альтернативности» (выражение А. Компаньона [5]).

Действительно, генетическое родство лежит в основе преемственных связей, диалога символизма с романтизмом. Присущее символизму ми-

стическое чувство уходило корнями в «творческие интуиции романтиков», не только русский символизм, «имел за собой «великое и богатое мистическое предание» [4, с. 9], символизм с романтизмом связывал не только феномен эстетического двоемирия, характеризующий каждое из названных литературных направлений. Отношения преемственности включали векторы альтернативности, смены «дискурсивных практик» (термин М. Фуко [12]).

На рубеже XIX и XX в. в связи с «крахом» антропоцентристской цивилизации изменилась философско-эстетическая парадигма «колебания между сознанием и бессознательным» [11], историческим и универсальным. Эстетическое мышление символистов – с опорой на Ницше, Шопенгауэра, Бергсона – стало принципиально отличаться от художественной практики романтизма, с его опорой на философские системы Фихте, Шеллинга, Гегеля. Процессы символизации – на экзистенциальном и эстетическом уровнях в модернистском и романтическом тексте культуры протекали по-разному – в эпоху созидания мира личностной романтической утопии – и в эпоху расставания с нею и мифом о прекрасной душе, погружения на новой основе в глубины «бессознательного и трансцендентного» [См.: 16], в эпоху «невиданного взрыва новаторских идей и форм» [9, с. 54].

Изучение комплекса обозначенных проблем связано с общеметодологическими аспектами филологического подхода к пониманию литературных направлений, взаимодействия между ними и границами, соединяющими и разъединяющими их; с почти омонимической семантикой используемых

терминов, когда под тем же романтизмом понимают не только литературное направление, но и эпоху, стиль, эстетическую систему или тип культуры; когда хронологические границы литературных направлений подвергаются концептуальному пересмотру.

Наряду с традиционным исторически конкретным подходом к романтизму, закрепившимся в отечественной науке (В.М. Жирмунский, Н.Я. Берковский и др.), литературоведы высказывают идеи, имеющие другой – измерительный масштаб, в основе которого – мышление эпохами, высказывается не утратившая телеологизма мысль о том, что эра романтизма, начавшись Французской революцией, завершается постмодернизмом [15]. О генетической структуре историографии романтизма, а соответственно и осмысления процессов его взаимодействия с литературными направлениями предшествующих и последующих эпох пишет американский литературовед Поль де Манн в работе «Аллегория чтения»: романтизм «может показаться вершиной, периодом величия, а последующее столетие медленным отступлением прилива, упадком, способным принять апокалиптические размеры». В то же время он может рассматриваться как «мгновение крайнего заблуждения, от которого мало-помалу избавлялось XIX столетие, пока не освободилось вполне, утверждая новую современность». Учёный противопоставляет таким концепциям критическую «деконструкцию» органической модели, которая «разрывает линейность временного процесса до такой степени, что никакое следствие действительных событий или никакой особенный субъект не могут сами по

себе приобрести полное историческое значение. Они все становятся частью процесса, который они не содержат и не отражают, но моментом которого они оказываются» [7, с. 100–101]. Очевидно, что предложенная Полем де Манном научная парадигма «генетической тотализации», сформировавшаяся на почве постмодернистского мышления, не отменяет историко-генетической, но дополняет её, открывая в то же время новые научные перспективы.

Генетическая тотализация порождает собственные стратегии, порой основывается на изучении «транс-исторических констант» (Ж. Жанетт), закономерно порождает продуктивный поиск литературных канонов и «предвосхищений» [2]. Так, Г. Блум, американский литературовед и теоретик культуры, исследует шекспировский канон и, обращаясь к своему писателю-современнику, принципиально меняет традиционное понимание соотношения новаторства и традиций: «В сравнении с ним ты устарел, потому что он *содержит тебя в себе*, тебе его не вобрать» [2, с. 37] (курсив Г. Блума). Этот подход переключается с делезовским высказыванием: «Нельзя сказать – прошлое было. Оно больше не существует, уже не существует, но упорствует, оно содержится, оно *есть*. Оно упорствует своим прошедшим настоящим, оно содержится в актуальном или новом настоящем» (курсив Ж. Делеза) [3, с. 103].

Автор одного из основополагающих исследований XX в. «Слова и вещи. Археология гуманитарного знания» (1966) М. Фуко пишет о разрывах между эпохами, формами и этапами познания: «В великих непрерывностях

мысли, в целостных или однозначных проявлениях духа и ментальности, в упорном сопротивлении науки, заявляющей права на существование и пытающейся завершиться с момента зарождения, в явлениях жанра, формы, дисциплины, теории, мы пытаемся раскрыть феномены прерывания» [12]. Однако в глубине и основании этих «прерываний» лежит универсальный принцип преемственности эстетического развития. И потому правы литературоведы, которые пишут о необходимости пересмотра традиционной модели изучения эволюции литературы и искусства как череды разрывов, каждый из которых определяет школу или авангардное движение: романтизм, реализм, символизм, сюрреализм, новый роман и т. д. Настало время, полагают они, осмыслить вопреки общепринятой телеологии то, что скрывается в глубине: непрерывность и возвращение, традиции и «арьергард», которые вписываются в эти системы (*les marges*): «Скрытый позади современности арьергард может быть ключом, способным открывать новые научные перспективы...», в том числе при изучении и романтизма, и модернизма, и постмодернизма. Путь к таким открытиям учёные связывают с углублением и расширением междисциплинарных и трансдисциплинарных подходов, позволяющих в ином свете, в ином социокультурном масштабе увидеть данную проблему [13; 14; 15], переосмыслить эстетическую семантику некорректно или искусственно воздвигаемых между направлениями и эпохами границ. При этом не может остаться незамеченной опасность размывания границ между дисциплинами, направлениями гума-

нитарной мысли.

Такая интерпретация литературного авангарда и арьергарда, как ни парадоксально, согласуется с самой природой романтизма, который, в соответствии с суждением Гегеля и вслед за ним Поля де Мана, обнаруживает «взаимозависимость и возможное тождество конца и начала, характерные для генетической концепции времени: «Результат только потому тождествен началу, что *начало* есть *цель*» [7, с. 99] (курсив Гегеля). Рефлексия над соотношением художественных и аналитических смыслов, своеобразной амбивалентностью «концов» и «начал», понимание того, что в романтизме каждое явление чревато своей противоположностью, создаёт дополнительную перспективу при изучении этого литературного направления, его места и роли в мировом литературном процессе.

Научная парадигма, трансформирующая историко-генетическую методологию, позволяет глубже осмыслить явления эстетической переходности, взаимосвязи между литературными направлениями; процессы, обнаруживающие эстетическую полисемантику – синкретизм, накопление, полемику, перекодировку, разрушение традиций; возвращает нас к рефлексии над разнообразными феноменами «прото», «пред», «нео», «пост», «пост-пост» (необарокко, неоклассицизма, предромантизма, неоромантизма, неореализма, неоакмеизма, постмодернизма ...), их различными соотношениями и модификациями – бытие «между забвением и Возвратом», между прошлым и настоящим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Категории поэтики в смене литературных эпох / Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. [Электронный ресурс] // Кафедра истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: [сайт]. URL: http://ns2.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_CategoriesPoetics.htm (дата обращения: 30.01.2018).
2. Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 672 с.
3. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с.
4. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Типография товарищества А.С. Суворина «Новое время», 1914. 207 с.
5. Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл / пер. с франц. С. Зенкина М.: Издательство имени Сабашниковых 2001, 336 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/072009/demon.html> (дата обращения: 30.01.2018).
6. Косиков Г.К. Два пути французского постромантизма: символисты и Лотреамон // Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора. М.: Издательство Московского государственного университета, 1993. С. 5–62.
7. Манн П. де. Аллегории чтения. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. 268 с.
8. «На границах». Зарубежная литература от Средневековья до современности. Сборник работ / под ред. Л.Г. Андреева. М.: ЭКОН, 2000. 256 с.
9. Рейнгольд Н.И. Модернизм в английской литературе. М.: Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 2017. 557 с.
10. Толмачев В.М. Типология символизма. Зарубежная литература конца 19–начала 20 века [Электронный ресурс] // Литература Западной Европы 20 века: [сайт]. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/literatura-19-20-veka-tolmachev/tipologiya-simvolizma.htm> (дата обращения: 30.01.2018).
11. Фролов Г.А., Хабибуллина Л.Ф. К смене литературных эпох на Западе: Теоретический аспект // Филология и культура. 2014. № 3(37). С. 187–194.
12. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарного знания [Электронный ресурс] // ModernLib.Ru. Электронная Библиотека. URL: http://modernlib.ru/books/fuko_mishel/arheologiya_znaniya/read_1/ (дата обращения: 30.01.2018).
13. Baetens J. Une défense «culturelle» des études littéraires [Электронный ресурс] // Fabula LHT. «Le partage des disciplines». 2011, mai. no.°8 : [сайт]. URL: <http://www.fabula.org/lht/8/baetens.html> (дата обращения: 01.02.2018).
14. Jeannelle J.-L. Pourquoi faut-il être absolument moderne? [Электронный ресурс] // Les Arrière-gardes au XXe siècle. L'autre face de la modernité esthétique. URL: https://www.fabula.org/actualites/w-marx-dir-les-arriere-gardes-au-xxe-s-l-autre-face-de-la-modernite-esthetique_8501.php (дата обращения: 1.02.2018).
15. Réévaluations du romantisme. 1860–1940. Colloque ANR – HIDIL. Montpellier, 26 et 27 avril 2012 [Электронный ресурс] // Fabula. Le Recherche en Littérature : [сайт]. URL: https://www.fabula.org/actualites/revaluations-du-romantisme-1860-1940_48817.php (дата обращения: 1.02.2018).
16. Todorov T. Symbolisme et interprétation. Paris: Éditions du Seuil, 1978. 167 p.

REFERENCES

1. Averintsev S.S., Andreev M.L., Gasparov M.L., Grintser P.A., Mikhailov A.V. [The category of poetry in the changing literary eras]. In: *Kafedra istorii zarubezhnoi literatury filologicheskogo*

- fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova* [The Department of History of Foreign Literature, Philological faculty of Lomonosov Moscow State University]. Available at: http://ns2.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_CategoriesPoetics.htm (accessed: 30.01.2018).
2. Blum G. *Zapadnyi kanon. Knigi i shkola vseh vremen* [The Western Canon. The books and school of all time]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 672 p.
 3. Delez Zh. *Razlichie i povtorenie* [Difference and repetition]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1998. 384 p.
 4. Zhirmunskii V.M. *Nemetskii romantizm i sovremennaya mistika* [German romanticism and the modern mysticism]. St. Petersburg, Typography of A.S. Suvorin's partnership "Novoe vremya", 1914. 207 p.
 5. Kompagnon A. *Demon teorii. Literatura i zdravyi smysl* [The demon theory. Literature and common sense]. Available at: <http://www.fedy-diary.ru/html/072009/demon.html> (accessed: 30.01.2018).
 6. Kosikov G.K. [Two ways of the French postromanticism: symbolists and Lautréamont]. In: *Poeziya frantsuzskogo simvolizma. Lotreamon. Pesni Mal'dorora* [The poetry of the French symbolism. Lautréamont. Songs of Maldoror]. Moscow, Moscow State University Publ., 1993. pp. 5–62.
 7. Mann P. de. *Allegorii chteniya* [Allegories of reading]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 1999. 268 p.
 8. Andreev L.G., ed. "Na granitsakh". *Zarubezhnaya literatura ot Srednevekov'ya do sovremennosti* ["At the borders". Foreign literature from the Middle Ages to the present]. Moscow, EKON Publ., 2000. 256 p.
 9. Reingold N.I. *Modernizm v angliiskoi literature* [Modernism in English literature]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2017. 557 p.
 10. Tolmachev V.M. [The typology of symbolism. Foreign literature of the late 19th–early 20th century]. In: *Literatura Zapadnoi Evropy 20 veka* [Literature of Western Europe of the 20th century]. Available at: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/literatura-19-20-veka-tolmachev/tipologiya-simvolizma.htm> (accessed: 30.01.2018).
 11. Frolov G.A., Khabibullina L.F. [To change the literary eras in the West: Theoretical aspect]. In: *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2014, no. 3(37), pp. 187–194.
 12. Foucault M. [Words and things. The archaeology of the Humanities]. In: *ModernLib.Ru. Elektronnaya Biblioteka* [ModernLib.Ru. E-Library]. Available at: http://modernlib.ru/books/fuko_mishel/arheologiya_znaniya/read_1/ (accessed: 30.01.2018).
 13. Baetens J. [Une défense «culturelle» des études littéraires]. In: *Fabula LHT. «Le partage des disciplines»*. 2011, mai. no.°8. Available at: <http://www.fabula.org/lht/8/baetens.html> (accessed: 01.02.2018).
 14. Jeannelle J.-L. [Pourquoi faut-il être absolument moderne?]. In: *Les Arrière-gardes au XXe siècle. L'autre face de la modernité esthétique*. Available at: https://www.fabula.org/actualites/w-marx-dir-les-arriere-gardes-au-xxe-s-l-autre-face-de-la-modernite-esthetique_8501.php (accessed: 1.02.2018).
 15. [Réévaluations du romantisme. 1860–1940. Colloque ANR – HIDIL. Montpellier, 26 et 27 avril 2012]. In: *Fabula. Le Recherche en Littérature*. Available at: https://www.fabula.org/actualites/reevaluations-du-romantisme-1860-1940_48817.php (accessed: 1.02.2018).
 16. Todorov T. *Symbolisme et interpretation*. Paris, Éditions du Seuil, 1978. 167 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Литвиненко Нинель Анисимовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: ninellit@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ninel A. Litvinenko – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of the History of Foreign Literatures, Moscow Region State University;
e-mail: ninellit@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Литвиненко Н.А. Романтизм в литературе: о некоторых подходах к изучению литературных взаимодействий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 145-153
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-145-153

FOR CITATION

Litvinenko N.A. Romanticism in the literature: on some approaches to the study of literary interactions. *In: Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no.2, pp. 145-153*
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-145-153